

Я ♥ читать

Эдуард АСАДОВ
СУДЬБЫ
И СЕРДЦА

Современные и классические бестселлеры

Эдуард Аркадьевич Асадов

Судьбы и сердца

(стихотворения)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=611435

Асадов Э. А. Судьбы и сердца: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-48700-4

Аннотация

Поэтический мир Эдуарда Асадова – это мир высоких чувств и светлых размышлений. Каждая его строчка дышит любовью, радостью жизни, верой в добро. В этот сборник вошли лучшие образцы лирики поэта.

Содержание

Пока ты любишь меня	5
Слово к моему сердцу	8
Не проходите мимо любви!	10
Боец по имени Каланхое	13
Не уходи из сна моего	17
Реликвии страны	19
Мне мало быть душою молодым	22
Играет нынче мышцами Америка!	24
Лесная река	28
* * *	31
Доброта	32
* * *	34
Когда бранят наш прошлый день	36
Что такое счастье?	41
Если грянет беда	43
Спор о женских сердцах	44
Чудачка	50
«Сатана»	52
Ты даже не знаешь	56
Падает снег	57
Главная сила	59
Высокая боль	62
Цветочный роман	64

Трусиха	66
О мнимой и подлинной дружбе	70
Сердца моих друзей	74
Когда порой влюбляется поэт...	76
Если любовь уходит!	79
«Свободная любовь»	80
Баллада о ненависти и любви	83
I	83
II	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Эдуард Асадов

Судьбы и сердца (стихотворения)

Пока ты любишь меня

Чем только не полон наш шар земной!
Красот и богатств в нем не счесть. И все же
Из всех драгоценностей под луной
Ну есть ли хоть что-то любви дороже?!

Я в мире немало прошел дорог,
Встречая и сажу, и белоснежность,
Но что бы достиг я и что бы смог,
Когда бы ни женского сердца ток,
Когда бы ни женская в мире нежность...

Всё было: и хмель сумасшедших фраз,
И счастье такое, что – дрожь по коже!
Они окрыляли меня подчас,
Они вдохновляли меня не раз,
Но, будем честны: предавали тоже...

Сегодня – ты рядом, как вешний свет!

Горящий веселою добротою.
Не будем же прошлых считать побед
И боль, причинявших когда-то бед.
Давай про сейчас говорить с тобою!

Жизнь может подножку дать не краснея
И зло укусить, в западню маня.
И всё-таки в даль я смотрю не робея!
И тысячи раз одолеть сумею
Все стужи, пока ты любишь меня!

Всю жизнь ты ждала от Судьбы награды,
А праздник-то вот он – взгляни душой!
Ведь в чувствах моих сомневаться не надо,
Сердце мое день и ночь с тобой!

Да, ты – вдохновенно-нежна. И все же
Не знаю: гожусь ли в твои герои?
Но нам дочего ж хорошо с тобою!
А то, что я – старше, а ты – моложе,
Ну что ж! Значит я еще что-то стою!

И кто мои силы сумел бы смерить
Хоть в буре труда, хоть на кромке огня?!
Я буду сражаться, любить и верить
Всегда, пока ты любишь меня!

19 ноября 1999 г. Москва.

День ракетных войск и артиллерии.

Мой праздник.

Слово к моему сердцу

Как бы нас жизнь не швыряла круто,
Сердце! Мы больше чем сверхдрузья!
Ведь нам друг без друга прожить нельзя
Ни часа, ни дня, ни одной минуты!

Когда мне, едва ли не ежедневно,
От стрессов приходится защищаться,
Ты вместе со мною спешишь сражаться
И бьешься в груди горячо и гневно.

А если подарят мне свет любви,
Правдиво иль нет – уточнять не будем,
Ты радостно гонишь поток крови
И вместе со мною смеешься людям!

Когда ж, утомясь от дневных трудов,
Я сплю то темно, то светло, то гневно,
То спать только я как сурок готов.
А ты... Ты не спишь и, не зная снов,
Все трудишься ночью и днем бессменно!

Уснуть могут вьюга и ураган,
Леса, города, и моря, и реки,
Всем отдых на свете бывает дан.

И лишь у тебя его нет вовеки!

Кусали и подлость тебя, и зло,
И множество низостей и фальшивостей,
О, сколько ж ты стрессов перенесло
И сколько знавало несправедливостей!

Я счастье наивно себе ковал,
Был глупо доверчив и все ж не сетовал.
Прости, коль порой тебя огорчал,
Хоть этого вовсе и не желал,
Тем паче что сам же страдал от этого!

А если вдруг что-то в тебе устанет,
Ведь всякое может, увы, случиться...
И ты, задремав, перестанешь биться,
То в этот же миг и меня не станет...

Пусть в ярости каркало воронье,
Мы жили без хитрости, без изгиба.
Я вечно был твой, ну а ты – мое.
И вот за любовь и за все житье,
За стойкость, за свет, за терпенье твое
Поклон до земли тебе и спасибо!

13 апреля 1999 г.

Москва

Не проходите мимо любви!

Нет на земле абсолютной свободы.
Весна – от зимы, ну, а семя – от семени,
Птица – от птицы, народ – от народа.
Всё подчиняется власти природы,
Все, разумеется, кроме времени...

Взрослеют и старятся бывшие дети,
Сначала бодры, а потом – неловки,
Время, кружа, царит на планете
И нет ни на миг ему остановки!

Годы, что молоды были когда-то,
Седеют и мыслями, и душой.
Оглянешься: сколько же их за спиной?!
И даже считать уже страшно вато...

И все ж с высоты промелькнувших лет
Вдруг взглянешь на пройденные дороги
И хочешь порою спросить в тревоге:
«Любил тебя кто-нибудь или нет?»

И даль, что в тумане была когда-то,
Вдруг словно под лупою проясняется,
И поразительно выясняются

Знакомые лица, дела и даты...

И голос, какой-то нездешней силы,
Прошепчет: «Вон – девушка... Узнаешь?
Она же любила тебя, любила,
Ты только припомни: и как любила!
А разве ты чувствовал эту дрожь?

Молчишь? Хорошо! Вспоминай другую,
Тут тоже веселой не будет речь:
Красивую, яркую, молодую,
И множество радостно-светлых встреч!

Она и надеялась, и металась,
То слезы, то счастье тая в груди,
Тебе было радостно. Но казалось,
Что счастье пока что не повстречалось,
И главное все еще впереди!

А чьи-то иные сердца и взгляды,
Напористей всех и хитрее всех,
Имели порою такой успех,
Которого лучше бы и не надо!»

И впрямь, почему так порой бывает:
Что люди, вступив вдруг с собою в сделку,
Подделку за подлинник принимают,
А подлинник чуть ли ни за подделку?!

А почему так, друзья-товарищи?
Да потому, что живем свободно!
Бросаемся часто на что угодно,
Пока не окажемся на пожарище!

А птицы-года у мужчин и женщин
Несутся, и отзвук от них всё горше...
И чем этих лет за спиною больше,
Тем радостных дней впереди всё меньше...

Поэтому, люди, в потоках событий,
Каждый, как хочешь, так и живи:
Мечтайте, боритесь, страдайте, творите!
Но только вовеки не проходите,
Не проходите мимо любви!

9 февраля 2000 года

Москва

Боец по имени Каланхое

Он стоял без поливки четыре месяца
В летний зной на окошке горячем стоя,
Я считал, что нам больше уже не встретиться,
Что давно он в безводье погиб от зноя.

У меня было горе. О нем теперь я
Вспоминать не могу. Тяжела задача.
Были муки, терзания и неверья.
Я тогда вообще позабыл о даче.

Ну, а он не забыл обо мне, дружище.
Каждым листиком помнил лихими днями,
Каждой веткой, что в зное спасенья ищет,
Помнил, в сухость вцепившимися корнями.

А еще он был дорог мне тем, что он
В Севастополе выращен, в буре света,
В криках чаек и шуме упрямых волн,
В славный праздник на стыке весны и лета!

Я сражался за гордую эту землю,
Я полил ее кровью в свой трудный час.
И теперь, на московской земле, у нас
Я ему, словно другу, душою внемлю.

Только горе вдруг кинулось черной тенью,
Перепутав все планы, дела и дни,
И замолкло вдруг разом и птичье пенье,
И погасли все радости и огни.

Но друзья познаются всегда в беде!
И вот он – севастопольский мой товарищ,
Оказавшись как воин в огне пожарищ,
Жил, упрямо не думая о воде...

И не просто стоял, а вовсю сражался,
Сын, овеванный славой своей земли,
И, чтоб соки последние не ушли,
Он как будто в железный кулак сжимался.

Словно воин, к осаде себя готовя,
До предела сжав крохотный рацион,
Всем инстинктам природы не прекословя,
Стал с листвою своей расставаться он:

Поначалу – внизу, где большие крепкие,
Что за младших готовы отдать себя,
Чтобы младшие были предельно-цепкие
И держались бы, стебель родной любя...

Дальше – очередь более мелких. Эти
ТочнСовременные и классические бестселлерыю так же
ложились, прикрыв собою

Их вскормившие корни от злого зноя,
Словно дети в тяжелое лихолетье...

Как там жизнь не дошла до последней точки?
Я, признаться, не в силах понять и ныне!
И остались на стволике, на вершине
Только три, но упрямо-живых листочка...

Я не знаю: как выразить на бумаге —
Где на свете подобное может встретиться?!
На окошке, под солнцем... четыре месяца...
Абсолютно без капли... Без капли влаги!

И подумалось, как говорят, «навскидку»:
А не так ли и я в свой страшнейший час
Всё сражался со смертью, без громких фраз,
Ухватясь за последнюю в жизни нитку...

И, водой родниковой цветок поя,
Я сказал: «Пусть невзгоды над нами свищут!
Только мы – севастопольцы: ты и я,
Так давай же брататься с тобой, дружище!

Протяни же мне ветку для рукопожатья!
И, живя под ветрами упрямой бойкости,
Пусть кому-то смешно. Только мы – как братья
Будем рядом, исполнены вечной стойкости!»

3 февраля 2000 года

Москва

Не уходи из сна моего

Не уходи из сна моего!

Сейчас ты так хорошо улыбаешься,
Как будто бы мне подарить стараешься
Кусочек солнышка самого.
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!

Ведь руки, что так меня нежно обняли,
Как будто бы радугу в небо подняли,
И лучше их нет уже ничего.
Не уходи из сна моего!

В былом у нас – вечные расстояния,
За встречами – новых разлук терзания,
Сплошной необжитости торжество.
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!

Теперь, когда ты наконец-то рядом,
Улыбкой и сердцем, теплом и взглядом,
Мне мало, мне мало уже всего!
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!

И пусть все упущенные удачи
Вернутся к нам снова, смеясь и плача,
Ведь это сегодня важней всего.
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!
Во всех сновиденьях ко мне являйся!
И днем, даже в шутку, не расставайся,
И лучше не сделаешь ничего.
Не уходи из сна моего!

1994 г.

Реликвии страны

Скажи мне: что с тобой, моя страна?
К какой сползать нам новой преисподней,
Когда на рынках продают сегодня
Знамена, и кресты, и ордена?!

Неважно, как реликвию зовут:
Георгиевский крест иль орден Ленина,
Они высокой славою овеяны,
За ними кровь, бесстрашие и труд!

Ответьте мне: в какой еще стране
Вы слышали иль где-нибудь встречали,
Чтоб доблесть и отвагу на войне
На джинсы с водкой запросто меняли!

В каком, скажите, царстве-государстве
Посмели бы об армии сказать
Не как о самом доблестном богатстве,
А как о зле иль нравственном распаде,
Кого не жаль хоть в пекло посылать?!

Не наши ли великие знамена,
Что вскинуты в дыму пороховом
Рукой Петра, рукой Багратиона

И Жукова! – без чести и закона
Мы на базарах нынче продаем!

Пусть эти стяги разными бывали:
Андреевский, трехцветный или красный,
Не в этом суть, а в том, над чем сияли,
Какие чувства люди в них влагали
И что жило в них пламенно и властно!

Так повелось, что в битве, в окруженье,
Когда живому не уйти без боя,
Последний воин защищал в сраженье
Не жизнь свою, а знамя полковое.

Так как же мы доньше допускали,
Чтоб сопляки ту дедовскую славу,
Честь Родины, без совести и права,
Глумясь, на рынках запросто спускали!

Любой народ на свете бережет
Реликвии свои, свои святыни.
Так почему же только наш народ
Толкают нынче к нравственной трясине?!

Ну как же докричаться? Как сказать,
Что от обиды и знамена плачут!
И продавать их – значит предавать
Страну свою и собственную мать,
Да и себя, конечно же, в придачу!

Вставайте ж, люди, подлость обуздать!
Не ждать же вправду гибели и тризны,
Не позволяйте дряни торговать
Ни славою, ни совестью Отчизны!

1992 г.

Мне мало быть душою молодым

Мне мало быть душою молодым!
Конечно, время мчит вперед. И все же
Мне хочется сквозь время, как сквозь дым,
И телом быть хоть чуточку моложе.

Как просто: взять и крылья опустить
И плыть, как говорится, по течению...
Но ведь тогда пришлось бы изменить
Своей души извечному горению.

А, главное, что уступя годам,
Пришлось бы вдруг спиною повернуться
К сердцам, что для меня еще смеются,
И к чьим-то удивительным глазам...

Во все века кто вдохновлял поэта?
Всё верно: нежность, женская душа.
И суть не в том: насколько хороша?
А в том, что в ней – источник чудо-света!

И пусть мне благ особых не обещано,
Я лет своих вовек не утрачусь.
Пока любим я хоть одною женщиной,
Я ни за что стареть не соглашусь!

26 января 2000 года.

Москва

Играет нынче мышцами Америка!

Играет нынче мышцами Америка,
Всем недовольным карами грозит!
А если кто-то слабо возразит,
То сразу же – всемирная истерика?

А ведь давно ли были времена,
Когда не все с ней в страхе соглашались,
Была когда-то на земле страна,
Вполне авторитетна и сильна,
С которой, споря, все-таки считались.

Так что ж теперь, скажите мне, стряслось?
Какие политические пасти,
Какая подлость и какая злость
Нас разорвали, в сущности, на части?!

Ударили разбойно, со спины,
Творя свои законы и расправы.
И больше нет огромнейшей страны,
Нет самой мощной на земле державы...

Сейчас о тех, кто это сотворил,
И говорить бессмысленно, наверно,
И вряд ли нынче кто отыщет сил,

Чтоб выжечь на планете эту скверну!

Случившегося вспять не обратить,

И это зло навряд ли одолимо.

А вот о том, как всем нам дальше жить,

А коль точней, то быть или не быть?

Подумать, хоть убей, необходимо!

Да, было время, когда две страны,

Коль выла политическая выюга,

В любой момент разумны и сильны,

На грани споров мира и войны

Могли уравнивать друг друга.

И вот, когда разгромили одну,

Столкнув с вершины, словно с пьедестала,

Другая в высоту и ширину

Как бы удвоясь, мощью заиграла!

И став теперь единственным судом

Над всей планетой в ранге сверхдержавы,

Она грозит военным кулаком,

Готовым для издевок и расправы.

Ну а кого теперь страшиться ей?!

Кто заикнется против этой власти?!

Диктуй условия, самодурствуй, бей!

Ставь на колени земли и людей,

Такое ей ведь и не снилось счастье!

И вот встает глобальнейший вопрос:
И никого он, право же, не минет,
Встает он перед каждым в полный рост:
Так как нам жить, товарищи, отныне?

И в трудный час, в сгущающейся мгле,
Ужель не взвить нам брызжащее пламя?!
Неужто же на собственной земле
Нам быть и впрямь безмолвными рабами?!

Ужель не возродить нам нашу честь
И жить в каком-то нищенстве и страхе?
Ведь те, кто взяли власть над нами здесь, —
Там за границей ползают во прахе!

Так кто же мы? И с кем? И с нами кто?
Давайте спросим, только очень честно:
Неужто нам и вправду нынче лестно
Быть государством чуть не номер сто?!

Играют США сегодня мышцами:
«С Россией – все! Погашена звезда!» —
Так что ж мы, вправду стали нынче бывшими
И вновь уже не встанем никогда?!

Неправда, ложь! Ведь всякое случалось:
Нас жгли не раз и орды, и вражда.
Но только вновь Россия возрождалась

И в полный рост упрямо подымалась
Могуча и светла как никогда!

Пусть нынче мы в предательстве и боли.
И все же нас покуда не сгубить,
Не растоптать и в пыль не превратить!
Мы над собой такого не дозволим!

Сдаваться? К черту! Только не сдаваться!
Неужто мы и совесть предадим?!
Ведь если жить, то все-таки сражаться,
Иначе нам ну некуда деваться!
И мы всю эту нечисть победим!

2 декабря 1998 г.
Москва

Лесная река

Василию Федорову

Пускай не качает она кораблей,
Не режет плечом волну океана,
Но есть первозданное что-то в ней,
Что-то от Шишкина и Левитана.

Течет она медленно век за веком,
В холодных омутах глубока.
И – ни единого человека,
Ни всплеска, ни удочки рыбака...

В ажурной солнечной паутине,
Под шорох ветра и шум ветвей
Течет, отливая небесной синью,
Намытой жгутами тугих дождей.

Так крепок и густ травяной настой,
Что черпай хоть ложкой его столовой!
Налим лупоглазый, почти пудовый,
Жует колокольчики над водой...

Березка пригнулась в густой траве.
Жарко. Сейчас она искупается!

Но платье застряло на голове,
Бьется под ветром и не снимается.

Над заводью вскинул рога сохатый
И замер пружинисто и хитро,
И только с морды его губатой
Падает звонкое серебро.

На дне, неподвижно, как для парада,
Уставясь носами в одну струю,
Стоят голавли черноспинным рядом,
Как кони в едином литом строю.

Рябина, красуясь, грустит в тиши
И в воду смотрится то и дело:
Сережки рубиновые надела,
Да кто ж их оценит в такой глуши?!

Букашка летит не спеша на свет,
И зяблик у речки пришел в волненье.
Он клюнул букашкино отраженье
И изумился: букашки нет!

Удобно устроившись на суку,
Кукушка ватагу грибов считает.
Но, сбившись, мгновение отдыхает
И снова упрямо: «Ку-ку, ку-ку!»

А дунет к вечеру холодком —

По глади речной пробегут барашки,
Как по озябшей спине мурашки,
И речка потянется перед сном.

Послушает ласково и устало,
Как перепел, выкрикнет: «Спать пора!»
Расправит туманное одеяло
И тихо укроется до утра.

Россия степная, Россия озерная,
С ковыльной бескрайнею стороною,
Россия холмистая, мшистая, горная,
Ты вся дорога мне! И все же бесспорно я
Всех больше люблю тебя вот такой!

Такой: с иван-чаем, с морошкой хрусткой
В хмельном и смолистом твоём раю,
С далекой задумчивой песней русской,
С безвестной речушкой в лесном краю.

И вечно с тобой я в любой напасти,
И в солнечных брызгах, и в черной мгле,
И нет мне уже без тебя ни счастья,
Ни песни, ни радости на земле!

1971 г.

Слово может согреть, окрылить и спасти,
Осчастливить и льды протаранить.
Слово может нам тысячи бед принести,
Оскорбить и безжалостно ранить.

А поэтому скажем себе сурово:
«Чтобы не было в жизни ненужных бед
Надо думать, ребята, над каждым словом,
Ибо слов невесомых на свете нет!»

30 января 2000 года.

Москва

Доброта

Если друг твой в словесном споре
Мог обиду тебе нанести,
Это горько, но это не горе,
Ты потом ему все же прости.

В жизни всякое может случиться.
И коль дружба у вас крепка,
Из-за глупого пустяка
Ты не дай ей зазря разбиться.

Если ты с любимой в ссоре,
А тоска по ней горяча,
Это тоже еще не горе,
Не спеши, не руби с плеча.

Пусть не ты явился причиной
Той размолвки и резких слов,
Встань над ссорою, будь мужчиной!
Это все же твоя любовь!

В жизни всякое может случиться.
И коль ваша любовь крепка,
Из-за глупого пустяка
Ты не должен ей дать разбиться.

И, чтоб после себя не корить
В том, что сделал кому-то больно,
Лучше добрым на свете быть,
Злого в мире и так довольно.

Но в одном лишь не отступай:
На разрыв иди, на разлуку,
Только подлости не прощай
И предательства не прощай
Никому: ни любимой, ни другу!

1970 г.

Люблю я собаку за верный нрав.
За то, что, всю душу тебе отдав,
В голоде, в холоде или разлуке
Не лижет собака чужие руки.

У кошки-дуры характер иной.
Кошку погладить может любой.
Погладил – и кошка в то же мгновенье,
Мурлыча, прыгает на колени.

Выгнет спину, трется о руку,
Щурясь кокетливо и близоруко.
Кошке дешевая ласка не стыдна,
Глупое сердце недальновидно.

От ласки кошачьей душа не согрета.
За крохи немного дают взамен:
Едва лишь наскучит мурлыканье это —
Встанут и сбросят ее с колен.

Собаки умеют верно дружить,
Не то что кошки – лентяйки и дуры.
Так стоит ли, право, кошек любить
И тех, в ком живут кошачьи натуры?!

1958 z.

Когда бранят наш прошлый день

Я не за то, чтобы вернуть
В стране всё то, что было прежде.
Был не простым когда-то путь,
Что вел нас к бурям и надежде.

Смешно сегодня говорить
Об идеальности тогдашней.
Но можно, если не хитрить,
То честно вспомнить и сравнить
День нынешний и день вчерашний.

Давайте же, не пряча глаз,
Пусть крупными или некрупными
Мы будем судьями сейчас
Строжайшими и неподкупными.

Пусть бьют истории часы,
Иначе и нельзя, наверное,
Мы всё положим на весы,
Да, всё: и лучшее, и скверное.

За что бранят былые годы?
Причем бранят подчас не зря:
За профанацию свободы,

За сталинизм и лагеря.

Всё это так. И это было!

И все-таки скажите мне:

А где же нынче наша сила?

И жить нам мило иль не мило

В стократ разграбленной стране?!

Да, лагеря, конечно, были.

Тут – ни прибавить, ни отнять.

И этой боли, этой были

Ничем нельзя зарубцевать.

И все-таки, хитрить не будем,

Давайте спросим в трудный час:

Когда же больше гибли люди:

В те времена или сейчас?

Да, было бед немало пройдено,

И все же, несмотря на зло,

А население нашей родины

Росло, да как еще росло!

А что сегодня? Посмотрите:

Ведь в нищете же каждый край!

Нужна таблетка? – Заплатите!

За операцию – платите!

А нет – ложись и помирай!

Что ж, человек и умирает...
А население не растёт,
А население убывает
Да так, что лучше не бывает:
На целый миллион за год!

О прошлых бедах в мощном хоре
Кричали, грохая в набат,
А вот за нынешнее горе,
И за смертей буквально море —
Уже никто не виноват!

Как ни ругай, но это ж было:
Была единая страна,
В которой – власть, и мощь, и сила!
А нынче так ее скрутило,
Что вся она почти застыла
И никому-то не страшна...

Да, бед не счесть и не измерить,
Дела – страшнее всяких слов!
Народ мой! Как ты мог поверить
Глазам, привыкшим лицемерить,
И всем потокам лживых слов?!

«Демократическая» братия,
Где вся свобода – на словах!
А в душах у людей – апатия,
И даже чуть ли не проклятия!

Ну где там, к черту, демократия?!
Ведь вся же власть в одних руках!

Да там был дефицит свободы,
Но был же и огонь труда!
Но там ведь строились заводы!
А нынче что? Ведь год за годом
Везде и мрак, и нищета!

Былые планы разрушаются,
Всё погибает. Всё – взрывброс!
Заводы всюду закрываются,
Вся армия разоружается,
Страну спускают под откос.

Да, всё, нищая, разоряется!
И этому не ждите смены!
А что у нас не разрушается,
И неизменно подымается,
Так это: цены, цены, цены!

Жиреют толстосумы дошлые,
Любуясь муками отчизны!
Ну, а теперь, друзья хорошие,
Браните всласть всё наше прошлое
И восхищайтесь новой жизнью!

11 ноября 1999 г.

Москва

Что такое счастье?

Что же такое счастье?

Одни говорят: «Это страсти:

Карты, вино, увлечения —

Все острые ощущения».

Другие верят, что счастье —

В окладе большом и власти,

В глазах секретарш плененных

И трепете подчиненных.

Третьи считают, что счастье —

Это большое участие:

Забота, тепло, внимание

И общность переживания.

По мнению четвертых, это —

С милой сидеть до рассвета,

Однажды в любви признаться

И больше не расставаться.

Еще есть такое мнение,

Что счастье – это горение:

Поиск, мечта, работа

И дерзкие крылья взлета!

А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста:
От кочки и до Казбека,
В зависимости от человека.

1966 г.

Если грянет беда

Если грянет беда и душа твоя волком завоюет,
И ты вдруг обратишься к друзьям в многотрудной судьбе,
И друзья, чтоб помочь, забегут, может статься, к тебе,
Если помощь та им ничегошеньки будет не стоить.

Если ж надо потратить достаточно время и сил,
Или с денежной суммой какой-то на время расстаться,
Вот тогда ты узнаешь, как «дорог» ты всем и как «мил»,
И как быстро начнут все друзья твои вдруг испаряться...

И лишь кто-то, быть может, не спрячет души, не сбежит,
И поделится искренно всем: и рублем, и душою,
Не унизит надменным сочувствием и не схитрит,
И в любых непогодах останется рядом с тобою.

Как же славно с друзьями упрямо шагать до конца,
И чтоб сверху судьба улыбалась сияющим ликом...
Только как все же грустно, что светлые эти сердца
Слишком редко встречаются нам в этом мире великом...

9 июня 1998 г.

Москва

Спор о женских сердцах

Приятель мой, сурово сдвинув бровь
И осушив цимлянского бокал,
Когда заговорили про любовь,
С усмешкой назидательно сказал:

«Я мало чту романтиков. Прости!
А женская любовь – сплошной обман.
Я много женщин повстречал в пути
И на сто лет, как говорится, пьян!

Не веришь? Усмехаешься? Ну что ж!
Давай рассудим прямо, хоть сейчас:
Где тут сокрыта истина, где – ложь
И в чем надежность милых этих глаз?!

Вот ты всё веришь в чистую любовь.
Что будто в ней – вся истина и свет.
А я сказал и повторяю вновь:
Что бескорыстных чувств на свете нет!

Представь: что ты вдруг разорился в мире!
Теперь скажи: чтоб жизнь начать с нуля,
Кому ты будешь нужен без квартиры,
Или без дачи, или без рубля?!

Жизнь всюду даже очень непростая.
И дамам нужно всё без лишних слов!
И вот ответ: ну где она «святая»,
«Большая и красивая любовь?!»

Вот встретиться ты, чтоб идеалам следовать,
Хоть с молодой, хоть не с молодой,
Но каждая начнет тотчас выведывать:
Что у тебя, голубчик, за душой?

Прости меня, быть может, за банальность,
Но в этой самой жизненной борьбе
Им главное – твоя материальность,
А душу можешь оставлять себе!

И при любом житейском повороте
У женщины – один любимый свет:
Любовь – лишь позолота на расчете,
А деньги – цель, и в этом весь секрет!»

Приятель мой сурово рассмеялся
И вновь налил игристого бокал.
А я всё думал, думал и молчал,
Но как-то всей душой сопротивлялся...

Не спорю: так действительно бывает,
И все-таки: ну как же, как же так?!
Неужто всюду чувства примеряют,

Как в магазине кофту иль пиджак?!

И вспомнились военные года:

Вот я лежу на койке госпитальной...

Чем обладал я, господи, тогда?

Бинты, да раны, да удел печальный...

Что впереди? Да в общем ничего...

Мне – двадцать... Ни профессии, ни денег...

Всё – дымный мрак... Жизнь —
как железный веник

Всё вымела из завтра моего...

И вот, как будто в радужном огне,

Сквозь дым тревог, тампонов и уколов

Являться стали в госпиталь ко мне

Шесть девушек и строгих, и веселых...

И вот в теченье года день за днем,

Успев ко мне, как видно, приглядеться,

Все шесть, сияя искренним огнем,

Мне предложили и себя, и сердце!..

А у меня, я повторяю вновь,

Ни денег, ни квартиры, ни работы...

А впереди – суровые заботы

И все богатства – мысли да любовь!

Да, каждая без колебаний шла

На все невзгоды, беды и лишения
И, принимая твердое решение,
Ни дач, ни денег вовсе не ждала!

Приятель мой задумчиво вздохнул:
«Допустим... Что ж... бывают исключения.
К тому ж там – лет военных озаренье.
Нет, ты б в другие годы заглянул!»

«Да что мне годы! Разные, любые!
Неужто жил я где-то на Луне?!
Ведь сколько и потом встречались мне
Сердца почти такие ж золотые!

Вот именно: и души, и глаза
Чистейшие! Ни больше и ни меньше!
Скажи-ка им про деньги или вещи —
Ого, какая б грянула гроза!!!

Не спорь: я превосходно понимаю,
Что все хотят жить лучше и светлей.
Но жить во имя денег и вещей —
Такую жизнь с презреньем отрицаю!

Конечно, есть корыстные сердца,
Которых в мире, может быть, немало,
Но как-то жизнь меня оберегала
От хищниц и с венцом, и без венца!

И все же, должен вымолвить заране,
Что исключенье было, что скрывать!
Однако же о той фальшивой дряни
Я не хотел бы даже вспоминать!

Вот ты сказал, что женщины корыстны.
Не все, не все, сто тысяч раз не все!
А только те, ты понимаешь, те,
Чьи мысли – словно кактусы, безлистны.

Есть правило, идущее от века,
И ты запомни, право же, его:
Чем ниже интеллект у человека,
И, чем бедней культура человека,
Тем меркантильней помыслы его!»

Приятель грустно молвил: «Как назло
Пойди пойми: где хорошо, где скверно?
Быть может, нам по-разному везло,
Но каждый прав по-своему, наверно!»

Он вновь налил фужеры на двоих.
«Давай – за женщин! Как, не возражаешь?!»
«Согласен!» – я сказал. «Но за каких?» —
«Ты это сам прекрасно понимаешь!»

Они живут, даря нам светлый пыл,
С красивой, бескорыстной душою.
Так выпьем же за тех, кто заслужил,

Чтобы за них мужчины пили стоя!

7 января 2000 года.

Красновидово.

Сегодня Иисусу Христу было бы две тысячи лет, а моей маме – девяносто восемь.

Великое Рождество

Чудачка

Одни называют ее «чудачкой»
И пальцем на лоб – за спиной, тайком.
Другие – «принцессою» и «гордячкой».
А третьи просто – «синим чулком».

Птицы и те попарно летают,
Душа стремится к душе живой.
Ребята подруг из кино провожают,
А эта одна убегает домой.

Зимы и вёсны цепочкой пестрой
Мчатся, бегут за звеном звено...
Подруги, порой невзрачные просто,
Смотришь, замуж вышли давно.

Вокруг твердят ей: – Пора решаться,
Мужчины не будут ведь ждать, учти!
Недолго и в девах вот так остаться!
Дело-то катится к тридцати...

Неужто не нравился даже никто? —
Посмотрит мечтательными глазами:
– Нравиться – нравились. Ну и что? —
И удивленно пожмет плечами.

Какой же любви она ждет, какой?
Ей хочется крикнуть: «Любви-звездопада!
Красивой-красивой! Большой-большой!
А если я в жизни не встречу такой,
Тогда мне совсем никакой не надо!»

1964 г.

«Сатана»

Ей было двенадцать, тринадцать – ему,
Им бы дружить всегда.
Но люди понять не могли, почему
Такая у них вражда?!

Он звал ее «бомбою» и весной
Обстреливал снегом талым.
Она в ответ его «сатаной»,
«Скелетом» и «зубоскалом».

Когда он стекло мячом разбивал,
Она его уличала.
А он ей на косы жуков сажал,
Совал ей лягушек и хохотал,
Когда она верещала.

Ей было пятнадцать, шестнадцать – ему,
Но он не менялся никак.
И все уже знали давно, почему
Он ей не сосед, а враг.

Он «бомбой» ее по-прежнему звал,
Вгонял насмешками в дрожь.
И только снегом уже не швырял

И диких не корчил рож.

Выйдет порой из подъезда она,
Привычно глянет на крышу,
Где свист, где турманов кружит волна,
И даже сморщится: – У, сатана!
Как я тебя ненавижу!

А если праздник приходит в дом,
Она нет-нет и шепнет за столом:
– Ах, как это славно, право, что он
К нам в гости не приглашен!

И мама, ставя на стол пироги,
Скажет дочке своей:
– Конечно! Ведь мы приглашаем друзей,
Зачем нам твои враги!

Ей – девятнадцать. Двадцать – ему.
Они студенты уже.
Но тот же холод на их этаже,
Недругам мир ни к чему.

Теперь он «бомбой» ее не звал,
Не корчил, как в детстве, рожи.
А «тетей Химией» величал
И «тетей Колбою» тоже.

Она же, гневом своим полна,

Привычкам не изменяла:
И так же сердилась: – У, сатана! —
И так же его презирала.

Был вечер, и пахло в садах весной.
Дрожала звезда, мигая...
Шел паренек с девчонкой одной,
Домой ее провожая.

Он не был с ней даже знаком почти,
Просто шумел карнавал,
Просто было им по пути,
Девчонка боялась домой идти,
И он ее провожал.

Потом, когда в полночь взошла луна,
Свистя, возвращался назад.
И вдруг возле дома: – Стой, сатана!
Стой, тебе говорят!

Все ясно, все ясно! Так вот ты какой?
Значит, встречаешься с ней?!
С какой-то фитюлькой, пустой, дрянной!
Не смей! Ты слышишь? Не смей!

Даже не спрашивай почему! —
Сердито шагнула ближе.
И вдруг, заплакав, прижалась к нему:
– Мой! Не отдам, не отдам никому!

Как я тебя ненавижу!

Ты даже не знаешь

Когда на лице твоём холод и скука,
Когда ты живешь в раздраженье и споре,
Ты даже не знаешь, какая ты мука,
И даже не знаешь, какое ты горе.

Когда ж ты добрее, чем синь в поднебесье,
А в сердце и свет, и любовь и участие,
Ты даже не знаешь, какая ты песня,
И даже не знаешь, какое ты счастье!

1984 г.

Падает снег

Падает снег, падает снег —
Тысячи белых ежат...
А по дороге идет человек,
И губы его дрожат.

Мороз под шагами хрустит, как соль,
Лицо человека – обида и боль,
В зрачках два черных тревожных флажка
Выбросила тоска.

Измена? Мечты ли разбитой звон?
Друг ли с подлой душой?
Знает об этом только он
Да кто-то еще другой.

Случись катастрофа, пожар, беда —
Звонки тишину встревожат.
У нас милиция есть всегда
И «Скорая помощь» тоже.

А если просто: падает снег,
И тормоза не визжат,
А если просто идет человек,
И губы его дрожат?

А если в глазах у него тоска —
Два горьких черных флажка?
Какие звонки и сигналы есть,
Чтоб подали людям весть?!

И разве тут может в расчет идти
Какой-то там этикет,
Удобно иль нет к нему подойти,
Знаком ты с ним или нет?

Падает снег, падает снег,
По стеклам шуршит узорным.
А сквозь метель идет человек,
И снег ему кажется черным...

И если встретишь его в пути,
Пусть вздрогнет в душе звонок,
Рванись к нему сквозь людской поток.
Останови! Подойди!

1964 г.

Главная сила

Те, кто любовь придумают порой —
Живут непрочно, словно на вокзале.
А мы любви совсем не выбирали,
Любовь сама нас выбрала с тобой.

И все же, если честно говорить,
То общих черт у нас не так и много.
Ведь все они, как говорят, от бога!
И ты попробуй их соединить!

Ну как тут склеишь: вспыльчивость и твердость?
Застенчивость — с уверенной душой?
Покорность чьим-то мнениям и гордость?
Любовь к вещам — со скромной простотой?

Чтобы с субботой слился понедельник,
А летний зной — с январским холодком,
Наверно нужен сказочный волшебник
Иль птица с огнедышащим пером!

Но все твердят: «Волшебники на свете
Бывают только в сказках иногда.
Ну, а в реальной жизни — никогда!
Ведь мы давным-давно уже не дети!»

А мы с тобой об эти разговоры,
Ей богу, даже и не спотыкаемся.
Мы слушаем и тихо улыбаемся,
И не вступаем ни в какие споры.

Что ж, мы и впрямь давно уже не дети,
У всех свои дела, и быт, и труд,
И все же есть волшебник на планете,
Он с нами рядом два тысячелетия.
Любовь! – Вот так волшебника зовут!

А если так, то чудо получается:
И там, где песней вспыхнула весна,
Всё то, что было порознь, сочетается,
Различное – легко соединяется,
Несовместимость – попросту смешна!

Что нам с тобою разница в духовности
И споры: «почему и для чего?»
Различия во вкусах или возрасте,
Всё чепуха, и больше ничего!

Да, пусть любой маршрут предназначается,
И чувство в каждом разное кипит.
Но вот пришел волшебник и сплавляются
Два сердца вдруг в единый монолит!

И пусть любые трудности встречаются

И бьют порой бураны вновь и вновь,
Буквально все проблемы разрешаются,
Когда в сердцах есть главное: ЛЮБОВЬ!

24 декабря 1999 г.

Москва

Высокая боль

Была одной шестою по размерам
И первой, может статься, по уму!
А стала чуть не сотой, жалко-серой
И не хозяйкой в собственном дому.

Так как случилось? Что тебя скрутило?
Кто в злобе вырвал перья у орла?!
Была ль в тебе не считанная сила?
О, господи! Да как еще была!

Что нас стубило в прежние года?
Доверчивость высокая, прекрасная
И, вместе с тем, трагически-ужасная
России «Ахиллессова пята!»

Ты верила конгрессам, диссидентам,
Дипловкачам различной крутизны,
А у себя – бездарным президентам,
Трусливым и коварным президентам,
Предателям народа и страны!

Так что ж отныне: сдаться и молчать?
И ждать то унижений, то расправы
Стране, стяжавшей столько гордой славы,

Которую вовек не сосчитать!

И нынче днями, черными, несытными
Мы скажем твердо, с бровью сдвинув бровь:
«Не станем мы скотами первобытными
Да и в рабов не превратимся вновь!»

Вы видели картину, где в медведя
Вцепилась свора яростных собак?!

Страна моя! Ну разве же не так
Враги свои и всякий пришлый враг
Впились в тебя, мечтая о победе?!

Восстань же от мучительного сна
И сбрось их к черту, разминая плечи!
И снова к правде, к радости навстречу
Прошу, молю: шагни, моя страна!

7 июля 1999 г.
Красновидово

Цветочный роман

Как-то раз на веселом апрельском рассвете,
Пряча в сердце стеснение и светлый пыл,
Он принес ей подснежников нежный букетик
И за это признательность заслужил.

А потом под стозвонное птичье пенье,
Вскинув в мае как стяг, голубой рассвет,
Он принес ей громадный букет сирени,
И она улыбнулась ему в ответ.

А в июне, сквозь грохот веселых гроз,
То смущенно, то радостно-окрыленно
Он вручил ей букет из пунцовых роз,
И она улыбнулась почти влюбленно.

А в июльскую пору цветов и злаков,
Когда душу пьянил соловьиный бред,
Он принес ей букет из гвоздик и маков,
И она покраснела как маков цвет...

Август – жатва эмоций для всех влюбленных,
Все, что есть – получай! Не робей, не жди!
И, увидев горячий костер пионов,
Она, всхлипнув, прижала букет к груди!

В сентябре уже сыплются листья с кленов,
Только чувства всё радостней, как на грех!
И, под праздник симфонии астр влюбленных,
Она тихо сказала: «Ты лучше всех!»

Вот и осень. И негде уже согреться...
Голый сад отвечает холодным эхом...
И тогда он вручил ей навеки сердце!
И она засмеялась счастливым смехом...

И сказала взволнованно и сердечно:
«Знай, я буду тебя до конца любить!
И у нас будет счастье с тобою вечно!
Но цветы всё равно продолжай дарить...»

6 декабря 1999 г.

Москва

Трусиха

Шар луны под звездным абажуром
Озарял уснувший городок.
Шли, смеясь, по набережной хмурой
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

Видно, распалясь от разговора,
Парень между прочим рассказал,
Как однажды в бурю ради спора
Он морской залив переплывал.

Как боролся с дьявольским теченьем,
Как швыряла молнии гроза.
И она смотрела с восхищеньем
В смелые горячие глаза...

А потом, вздохнув, сказала тихо:
– Я бы там от страха умерла.
Знаешь, я ужасная трусиха,
Ни за что б в грозу не поплыла!

Парень улыбнулся снисходительно,
Притянул девчонку не спеша
И сказал: – Ты просто восхитительна,

Ах ты, воробыная душа!

Подбородок пальцем ей приподнял
И поцеловал. Качался мост,
Ветер пел... И для нее сегодня
Мир был сплошь из музыки и звезд!

Так в ночи по набережной хмурой
Шли вдвоем сквозь спящий городок
Парень со спортивною фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

А когда, пройдя полосу света,
В тень акаций дремлющих вошли,
Два плечистых темных силуэта
Выросли вдруг как из-под земли.

Первый хрипло буркнул: – стоп, цыпленки!
Путь закрыт, и никаких гвоздей!
Кольца, серьги, часики, деньжонки —
Все, что есть, на бочку, и живей!

А второй, пуская дым в усы,
Наблюдал, как, от волнения бурый,
Парень со спортивною фигурой
Стал, спеша, отстегивать часы.

И, довольный, видимо, успехом,
Рыжеусый хмыкнул: – Эй, коза!

Что надулась?! – И берет со смехом
Натянул девчонке на глаза.

Дальше было все, как взрыв гранаты:
Девушка беретик сорвала
И словами: – Мразь! Фашист проклятый! —
Как огнем, детину обожгла.

– Наглостью пугаешь? Врешь, подонок!
Ты же враг! Ты жизнь людскую пьешь! —
Голос рвется, яростен и звонок:
– Нож в кармане? Мне плевать на нож!

За убийство «стенка» ожидает.
Ну а коль от раны упаду,
То запомни: выживу, узнаю!
Где б ты ни был – все равно найду!

И глаза в глаза взглянула твердо.
Тот смешался: – Ладно... Тише, гром... —
А второй проямлил: – Ну их к черту! —
И фигуры скрылись за углом.

Лунный диск, на млечную дорогу
Выбравшись, шагал наискосок
И смотрел задумчиво и строго
Сверху вниз на спящий городок.

Где без слов по набережной хмурой

Шли, чуть слышно гравием шурша,
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – «слабая натура»,
«Трус» и «воробьиная душа».

1963 г.

О мнимой и подлинной дружбе

*Я слышу вновь друзей предательский привет.
А. С. Пушкин. «Воспоминание»*

Когда тучи в прошлые года
Дни мои ничем не омрачали,
О, как ваши голоса звучали
О любви и дружбе навсегда!

И, когда за дружеским столом,
Бахус нам подмигивал в бокале,
Как же вы надежно обещали
Подпереть при трудностях плечом!

Ах, друзья мои литературные!
Как мы славно дружбою сошлись!
Только жаль, что речи ваши бурные,
А точнее, попросту дежурные,
Кончились, едва лишь начались...

И когда вдруг над моею крышей
Беспощадно грянула гроза,
Что ж вы все попрыгали, как мыши?
Впрочем, хуже: даже мыши тише,
Спрятав в телевизоры глаза...

Только трудно мы и раньше жили:
Не давая на покой ни дня,
Помните, как яростно бранили
Критиканы разные меня?!

Не хочу вынашивать обиду,
Только как я ждал в дыму страстей,
Чтоб хоть кто-то из моих друзей
Взял и встал бы на мою защиту!

Если ж скажут мне, что так вот жить
Мир привык и спорить тут напрасно,
Я бы согласился, может быть,
Говорить – не делать. Это – ясно!

И чудес я, право бы, не ждал.
Может, впрямь вот так живут повсюду?
Только чудо, подлинное чудо
Я нашел, открыл и повстречал!

Без расчета, выгоды и службы,
Без высоких и ненужных фраз,
Чудо самой настоящей дружбы,
Что прочней, чем сталь или алмаз!

Вроде бы почти обыкновенные,
Без имен, прославленных в веках,
Косточка армейская: военные,

Только в смысле ценности – бесценные,
С красотою в душах и сердцах!

Ну а чтоб избежать повторения
В светлой благодарности своей,
Я скажу, что, полный озарения,
Я уж написал стихотворение
И назвал: «Сердца моих друзей».

Ну а чтоб вовеки не пропала
Скромность с удивительной душой,
Вот они – четыре генерала,
Те, что в бедах всякого накала
Как четыре брата за спиной:

Виктор Чибисов, Юрий Коровенко,
Александр Горячевский и Борис Сергеев...

А пою сейчас я строки эти
Как певец взволнованно с листа.
Вновь и вновь затем, чтоб на планете
Никогда не гасла красота!

Чтобы, встретя в трудную годину
Кто-то в жизни друга своего,
Помнил бы, что горькая кручина,
Не щадя ни возраста, ни чина,
Может больно клюнуть и его!

Так-то вот, друзья литературные!
Нет, не все, конечно же, не все.
А лишь те, простите, только те,
Чьи сердца изменчиво-дежурные.

Жизнь не вечно светит, как звезда.
А порою жжет, как черный пламень.
И, коль грянет где-нибудь беда,
Я прошу вас: сердцем никогда,
Никогда не превращаться в камень!

6 июня 1999 г.

Сердца моих друзей

*Виктору Чибисову,
Александру Горячевскому,
Борису Сергееву,
Юрию Коровенко*

Пришли друзья. Опять друзья пришли!
Ну как же это славно получается:
Вот в жизни что-то горькое случается,
И вдруг – они! Ну как из-под земли!

Четыре честно-искренние взора,
Четыре сердца, полные огня.
Четыре благородных мушкетера,
Четыре веры в дружбу и в меня!

Меня обидел горько человек,
В которого я верил бесконечно.
Но там, где дружба вспыхнула сердечно,
Любые беды – это не навек!

И вот стоят четыре генерала,
Готовые и в воду, и в огонь!
Попробуй, подлость, подкрадись и тронь,
И гнев в четыре вскинется кинжала.

Их жизнь суровой всякой строгой повести.
Любая низость – прячься и беги!
Перед тобой четыре друга совести
И всякой лжи четырежды враги!

Пусть сыплет зло без счета горсти соли,
Но если рядом четверо друзей
И если вместе тут четыре воли,
То, значит, сердце вчетверо сильнее!

И не свалюсь я под любую ношею,
Когда на всех и радость, и беда.
Спасибо вам за все, мои хорошие!
И дай же бог вам счастья навсегда!

7 апреля 1997 г.

Переделкино

Когда порой влюбляется поэт...

Когда порой влюбляется поэт,
Он в рамки общих мерок не вмещается,
Не потому, что он избранник, нет,
А потому, что в золото и свет
Душа его тогда переплавляется.

Кто были те, кто волновал поэта?
Как пролетали ночи их и дни?
Не в этом суть, да и не важно это.
Все дело в том, что вызвали они!

Пускай горды, хитры или жеманны, —
Он не был зря, сладчайший этот плен.
Вот две души, две женщины, две Анны,
Две красоты – Оленина и Керн.

Одна строга и холодно-небрежна.
Отказ в руке. И судьбы разошлись.
Но он страдал, и строки родились:
«Я вас любил безмолвно, безнадежно».

Была другая легкой, как лоза,
И жажда, и хмельное утоление.
Он счастлив был. И вспыхнула гроза

Любви: «Я помню чудное мгновенье».

Две Анны. Два отбушевавших лета.
Что нам сейчас их святость иль грехи?!
И все-таки спасибо им за это
Святое вдохновение поэта,
За пламя, воплощенное в стихи!

На всей планете и во все века
Поэты тосковали и любили.
И сколько раз прекрасная рука
И ветер счастья даже вполглотка
Их к песенным вершинам возносили?

А если песни были не о них,
А о мечтах или родном приволье,
То все равно в них каждый звук и стих
Дышали этим счастьем или болью.

Ведь если вдруг бесстрастна голова,
Где взять поэту буреваемые силы?
И как найти звенящие слова,
Коль спит душа и сердце отлюбило?!

И к черту разговоры про грехи.
Тут речь о вспышках праздничного света.
Да здравствуют влюбленные поэты!
Да здравствуют прекрасные стихи!

1972 г.

Если любовь уходит!

Если любовь уходит, какое найти решение?
Можно прибегнуть к доводам, спорить и убеждать,
Можно пойти на просьбы и даже на униженья,
Можно грозить расплатой, пробуя запугать.

Можно вспомнить былое, каждую светлую малость,
И, с дрожью твердя, как горько в разлуке пройдут года,
Поколебать на время, может быть, вызвать жалость
И удержать на время. На время – не навсегда.

А можно, страха и боли даже не выдав взглядом,
Сказать: – Я люблю. Подумай. Радости не ломай. —
И если ответит отказом, не дрогнув, принять как надо,
Окна и двери – настежь: – Я не держу. Прощай!

Конечно, ужасно трудно, мучась, держаться твердо.
И все-таки, чтобы себя же не презирать потом,
Если любовь уходит – хоть вой, но останься гордым.
Живи и будь человеком, а не ползи ужом!

«Свободная любовь»

Слова и улыбки ее, как птицы,
Привыкли, чирикая беззаботно,
При встречах кокетничать и кружиться,
Незримо на плечи парней садиться
И сколько, и где, и когда угодно!

Нарядно, но с вызовом разодета.
А ласки раздаривать не считая
Ей проще, чем, скажем, сложить газету,
Вынуть из сумочки сигарету
Иль хлопнуть коктейль коньяка с токаем.

Мораль только злит ее: – Души куцые!
Пещерные люди! Сказать смешно.
Даешь сексуальную революцию,
А ханжество – к дьяволу за окно!

Ох, диво вы дивное, чудо вы чу
Когда, ни души, ни ума
не трогая,
В подкорке и импульсах тех людей
Царила одна только зоология
На уровне кошек или моржей.

Но человечество выросло,

Ведь те, кто мечтают, всегда правы.
И вот большинству уже стало мало
Того, что довольно таким, как вы.

И люди узнали, согреты новью,
Какой бы инстинкт ни разыграл в крови,
О том, что один поцелуй с любовью
Дороже, чем тысяча без любви!

И вы поспешили-то, в общем, зря
Шуметь про «сверхновые отношения».
Всегда на земле при всех поколениях
Были и лужицы и моря.

Были везде и когда угодно
И глупые куры и соловьи.
Кошачья вон страсть и теперь «свободна»,
Но есть в ней хоть что-нибудь от любви?!

Кто вас оциничивал – я не знаю.
И все же я трону одну струну:
Неужто вам нравится, дорогая,
Вот так, по-копеечному порхая,
Быть вроде закуски порой к вину?

С чего вы так – с глупости или холода?
На вечер игрушка, живой «сюрприз»,
Ведь спрос на вас, только пока вы молоды,
А дальше, поверьте, как с горки вниз!

Конечно, смешно только вас винить.
Но кто и на что вас принудить может?
Ведь в том, что позволить иль запретить,
Последнее слово за вами все же.

Любовь не минутный хмельной угар.
Эх, если бы вам да всерьез влюбиться!
Ведь это такой высочайший дар,
Такой красоты и огней пожар,
Какой пошляку и во сне не снится.

Рванитесь же с гневом от всякой мрази,
Твердя себе с верою вновь и вновь,
Что только одна, но зато любовь
Дороже, чем тысяча жалких связей!

1978 г.

Баллада о ненависти и любви

I

Метель ревет, как седой исполин,
Вторые сутки не утихая,
Ревет как пятьсот самолетных турбин,
И нет ей, проклятой, конца и края!

Пляшет огромным белым костром,
Глушит моторы и гасит фары.
В замяти снежной аэродром,
Служебные здания и ангары.

В прокуренной комнате тусклый свет,
Вторые сутки не спит радист,
Он ловит, он слушает треск и свист,
Все ждут напряженно: жив или нет?

Радист кивает: – Пока еще да,
Но боль ему не дает распрямиться.
А он еще шутит: мол, вот беда —
Левая плоскость моя никуда!
Скорее всего, перелом ключицы...

Где-то буран, ни огня, ни звезды
Над местом аварии самолета.
Лишь снег замечает обломков следы
Да замерзающего пилота.

Ищут тракторы день и ночь,
Да только впустую. До слез обидно.
Разве найти тут, разве помочь —
Руки в полуметре от фар не видно?

А он понимает, а он и не ждет,
Лежа в ложбинке, что станет гробом.
Трактор, если даже придет,
То все равно в двух шагах пройдет
И не заметит его под сугробом.

Сейчас любая зазря операция.
И все-таки жизнь покуда слышна.
Слышна, ведь его портативная рация
Чудом каким-то, но спасена.

Встать бы, но боль обжигает бок,
Теплой крови полон сапог,
Она, остывая, смерзается в лед.
Снег набивается в нос и рот.

Что перебито? Понять нельзя,
Но только не двинуться, не шагнуть!
Вот и окончен, видать, твой путь!

А где-то сынишка, жена, друзья...

Где-то комната, свет, тепло...

Не надо об этом! В глазах темнеет...

Снегом, наверно, на метр замело,

Тело сонливо деревенеет...

А в шлемофоне звучат слова:

– Алло! Ты слышишь? Держись, дружище!

Тупо кружится голова...

– Алло! Мужайся! Тебя разыщут!..

Мужайся? Да что он, пацан или трус?!

В каких ведь бывал переделках грозных.

– Спасибо... Вас понял... Пока держусь!

А про себя добавляет: «Боюсь,

Что будет все, кажется, слишком поздно...»

Совсем чугунная голова.

Кончаются в рации батареи.

Их хватит еще на час или два.

Как бревна руки... спина немеет...

– Алло! – это, кажется, генерал.

– Держитесь, родной, вас найдут, откопают.

Странно: слова звенят, как кристалл,

Быются, стучат, как в броню металл,

А в мозг остывший почти не влетают...

Чтоб стать вдруг счастливейшим на земле,
Как мало, наверное, необходимо:
Замерзнув вконец, оказаться в тепле,
Где доброе слово да чай на столе,
Спирта глоток да затяжка дыма...

Опять в шлемофоне шуршит тишина.
Потом сквозь метельное завыванье:
– Аллю! Здесь в рубке твоя жена!
Сейчас ты услышишь ее. Вниманье!

С минуту гуденье тугой волны,
Какие-то шорохи, трески, пiski,
И вдруг далекий голос жены,
До боли знакомый, до жути близкий!

– Не знаю, что делать и что сказать.
Милый, ты сам ведь отлично знаешь,
Что, если даже совсем замерзаешь,
Надо выдержать, устоять!

Хорошая, светлая, дорогая!
Ну как объяснить ей в конце концов,
Что он не нарочно же здесь погибает,
Что боль даже слабо вздохнуть мешает
И правде надо смотреть в лицо.

– Послушай! Синоптики дали ответ:
Буря окончится через сутки.

Продержишься? Да?

– К сожалению, нет...

– Как нет? Да ты не в своем рассудке!

Увы, все глуше звучат слова.

Развязка, вот она, – как ни тяжело,

Живет еще только одна голова,

А тело – остывшая деревяшка.

А голос кричит: – Ты слышишь, ты слышишь?!

Держись! Часов через пять рассвет.

Ведь ты же живешь еще! Ты же дышишь?!

Ну есть ли хоть шанс?

– К сожалению, нет...

Ни звука. Молчанье. Наверно, плачет.

Как трудно последний привет послать!

И вдруг: – Раз так, я должна сказать!

Голос резкий, нельзя узнать.

Странно. Что это может значить?

– Поверь, мне горько тебе говорить.

Еще вчера я б от страха скрыла.

Но раз ты сказал, что тебе не дожить,

То лучше, чтоб после себя не корить,

Сказать тебе коротко все, что было.

Знай же, что я дрянная жена

И стою любого худого слова.

Я вот уже год, как тебе неверна,
И вот уже год, как люблю другого!

О, как я страдала, встречая пламя
Твоих горячих восточных глаз. —
Он молча слушал ее рассказ.
Слушал, может, в последний раз,
Сухую былинку зажав зубами.

– Вот так целый год я лгала, скрывала,
Но это от страха, а не со зла.
– Скажи мне имя!..
Она помолчала,
Потом, как ударив, имя сказала,
Лучшего друга его назвала!

Затем добавила торопливо:
– Мы улетаем на днях на юг.
Здесь трудно нам было бы жить счастливо.
Быть может, все это не так красиво,
Но он не совсем уж бесчестный друг.

Он просто не смел бы, не мог, как и я,
Выдержать, встретясь с твоими глазами.
За сына не бойся. Он едет с нами.
Теперь все заново: жизнь и семья.

Прости, не ко времени эти слова.
Но больше не будет иного времени. —

Он слушает молча. Горит голова...
И словно бы молот стучит по темени...

– Как жаль, что тебе ничем не поможешь!
Судьба перепутала все пути.
Прощай! Не сердись и прости, если можешь!
За подлость и радость мою прости!

Полгода прошло или полчаса?
Наверно, кончились батареи.
Все дальше, все тише шумы... голоса...
Лишь сердце стучит все сильнее и сильнее!

Оно грохочет и бьет в виски!
Оно полыхает огнем и ядом.
Оно разрывается на куски!
Что больше в нем: ярости или тоски?
Взвешивать поздно, да и не надо!

Обида волной заливает кровь.
Перед глазами сплошной туман.
Где дружба на свете и где любовь?
Их нету! И ветер, как эхо, вновь:
Их нету! Все подлость и все обман!

Ему в снегу суждено подышать,
Как псу, коченея под стоны выюги,
Чтоб два предателя там, на юге,
Со смехом бутылку открыв на досуге,

Могли поминки по нем справлять?!

Они совсем затиранят мальчика
И будут усердствовать до конца,
Чтоб вбить ему в голову имя другого
И вырвать из памяти имя отца!

И все-таки светлая вера дана
Душонке трехлетнего пацана.
Сын слушает гул самолетов и ждет.
А он замерзает, а он не придет!

Сердце грохочет, стучит в виски,
Взведенное, словно курок нагана.
От нежности, ярости и тоски
Оно разрывается на куски.
А все-таки рано сдаваться, рано!

Эх, силы! Откуда вас взять, откуда?
Но тут ведь на карту не жизнь, а честь!
Чудо? Вы скажете, нужно чудо?
Так пусть же! Считайте, что чудо есть!

Надо любой ценою подняться
И, всем существом устремясь вперед,
Грудью от мерзлой земли оторваться,
Как самолет, что не хочет сдаваться,
А, сбитый, снова идет на взлет!

Боль подступает такая, что кажется,
Замертво рухнешь в сугроб ничком!
И все-таки он, хрипя, поднимается.
Чудо, как видите, совершается!
Впрочем, о чуде потом, потом...

Швыряет буран ледяную соль,
Но тело горит, будто жарким летом,
Сердце колотится в горле где-то,
Багровая ярость да черная боль!

Вдали сквозь дикую карусель
Глаза мальчишки, что верно ждут,
Они большие, во всю метель,
Они, как компас, его ведут!

– Не выйдет! Неправда, не пропаду!
Он жив. Он двигается, ползет!
Встает, качается на ходу,
Падает снова и вновь встает...

II

К полудню буран захирел и сдал.
Упал и рассыпался вдруг на части.
Упал, будто срезанный наповал,
Выпустив солнце из белой пасти.

Он сдал в предчувствии скорой весны,
Оставив после ночной операции
На чахлых кустах клочки седины,
Как белые флаги капитуляции.

Идет на бреющем вертолет,
Ломая безмолвие тишины.
Шестой разворот, седьмой разворот,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.